

обеда, вечером, ходил с Яшей на вокзал разговаривать о билетах. Плацкарты наши из-за опоздания пропали» (с. 355). Тот же факт упомянут и в письме В. Н. Буниной к Зурову, однако в ином контексте и с иным подтекстом: «Мнение, что Яша все знает, несколько преувеличено. Мне кажется — он сделал уже ошибку, не представил наших билетов на вокзал по приезде. Вечером об этом вспомнил Ян — они пошли на станцию».²⁷

Цвибак у В. Н. Буниной то «милый малый, и с ним легко»,²⁸ то его роль в поездке представляется ей сомнительной: «Часто, когда я стучу на машинке, рядом сидит Яша. Здесь он, строго говоря, не нужен. Конечно, кое-что он делает, разговаривает по телефону, дает интервью, записывает, где и когда Ян должен быть, но Вы понимаете, что все это могли бы и без него делать». Правда, тут же она обрывает себя: «Но он милый, так что не раздражает, хотя совсем не кавалер, прежде всего, думает о себе. В цилиндре и визитке очень забавен. Но это все не для газеты, а лишь Вам».²⁹

Причина столь неустойчивого отношения Буниной к Цвибаку понятна: в качестве секретаря Бунина в нобелевской поездке он предстает в роли двойного заместителя, независимо от того, осознает это сам или нет. В грасском квартете, существовавшем с конца 1929 года в составе: И. А. Бунин, В. Н. Бунина, Г. Н. Кузнецова и Л. Ф. Зуров, Цвибак в поездке замещает Зурова. Последнего, по всей видимости, и утешает В. Н. Бунина рассказами о Яшиной нерасторопности или ненужности. Хотя здесь можно предположить и известную долю ее собственной ревности к Цвибаку, на которого легли секретарские обязанности (учет звонков, планирование дня и т. п.), обычно исполнявшиеся самой женой писателя.

Тем не менее доброта Буниной и ее расположенность к людям распространяются и на Цвибака, последнее упоминание о котором во время нобелевской поездки встречается в ее письме к Зурову от 20 декабря, уже из Германии: «Виделись ли Вы с Яшей? Что он рассказывает? Мы расстались друзьями».³⁰

То же чувствовал и Цвибак, сообщавший в мемуарном очерке: «В Берлине мы расстались. Бунины уехали в Дрезден к Ф. Степуну, а я вернулся в Париж — формально мои секретарские обязанности в этот момент закончились, но до конца жизни Иван Алексеевич любил шутливо называть меня своим „секретарем”».³¹

В свидетельствах о нобелевских днях, хотя и не у всех «авторов», обнаруживается еще одна сквозная тема. Речь идет о болезненном для Буниных (впрочем, как и для всей русской эмиграции в целом) денежном вопросе. Из многочисленных мемуаров известно, что за полтора года до присуждения Бунину премии, в апреле 1932 года, Д. С. Мережковский предложил ему, в случае если премию присудят кому-либо одному из них, поделить ее пополам («...тот, кому премию присудят, заплатит другому 200 000 франков»)³² Эту историю Бунин рассказал Цвибаку в первые же дни после приезда из Грасса в Париж. Рассказ Бунина был далек от просто колоритной истории, вроде той, о которой упоминает в своих мемуарах Цвибак — некий матрос пришел просить у Бунина 50 франков, обещая, что «тогда Бог вознаградит Бунина, и он получит Нобелевскую премию и в будущем году».³³

Собственно, рассказ Бунина был ответом Цвибаку, который видел, что «на деньги были и другие претенденты, действовавшие не таким прямым путем», — в газете «Нувель Литерер» сообщалось, что Бунин решил разделить премию с Мереж-

²⁷ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 4 декабря 1933 года (Ibid. MS. 1067/7935).

²⁸ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 6 декабря 1933 года (Ibid. MS. 1067/7937).

²⁹ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову в ночь с 12 на 13 декабря 1933 года (Ibid. MS.1067/7940).

³⁰ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 20 декабря 1933 года (Ibid. MS. 1067/7943).

³¹ *Седых А.* Далекое, близкое. С. 202.

³² Там же. С. 191.

³³ Там же. С. 190.